

Предисловие

В последнее время интенсифицировалось издание комплексов писем ученых-историков. Если раньше они публиковались выборочно и, как правило, в журналах или в приложениях к монографиям, то с недавнего времени отдельными томами. Укажем, например, на переписку С. Б. Веселовского¹, С. Ф. Платонова² и А. Е. Преснякова³.

Настоящее издание может быть поставлено в этот ряд. Оно посвящено регулярной переписке (324 письма) между двумя историками на протяжении 17-ти лет (1940—1957 гг.). Е. Н. Кушева и Б. А. Романов жили и работали в разных городах — Москве и Ленинграде. Содержание их писем весьма разнообразно. Но в центре их внимания неизменно оказывались творческие планы, «отчеты» о ходе текущей работы, сообщения об объективных и субъективных трудностях и препятствиях, суждения о работе и докладах коллег, описания (иногда подробные) научных и административных заседаний, обоснование своих позиций в связи с коллизиями научной и общественной жизни, сообщения о работе учеников, оценки конфликтных ситуаций и позиций сторон, в том числе своих, раздумья по поводу общественной атмосферы в стране, ее влияния на развитие исторической науки. Б. А. Романов эпизодически прилагал к своим письмам документы: планы, тексты своих институтских отчетов о проделанной работе, тексты своих выступлений на заседаниях, даже свои статьи в стенгазетах (они, как правило, не публикуются), сопровождая указаниями, что он пересылает эти материалы «для архива».

Это обстоятельство и ряд других косвенных признаков позволяют предположить, что между Б. А. Романовым и Е. Н. Кушевой была достигнута договоренность, согласно которой его письма к ней заменяли собой дневник и были в то же время дубликатом архива самого автора. О том свидетельствует упоминание в письме к ней об отклоненной журналом «Вопросы истории» рецензии на издание «Духовных и договорных грамот великих и удельных князей...», текст которой Б. Д. Греков «возможно сдаст <...> Вам в „архив“». Такая необычная, на первый взгляд, форма ведения «дневника» и хранения архива вполне объяснима, если принять во внимание трагические страницы биографии Б. А. Романова. Арест в январе 1930 г. сопровождался по обыкновению конфискацией его бумаг, в том числе готовых, неопубликованных работ, писем и других материалов.

Б. А. Романов любил переписываться и всегда находил для этого время. Он был подлинным мастером эпистолярного жанра. Б. А. Романов придерживался в переписке определенной тактики. На личные письма он отвечал в день их получения и редко отходил от этой практики. Другое дело деловые письма. Ответ на них он откладывал на потом, не ранее, чем на следующий день. Е. Н. Кушева тоже была обязательна в переписке, хотя и не столь пунктуальна. Иногда она отвечала на группы писем, всякий раз отмечая это.

Жизненные и научные пути Е. Н. Кушевой и Б. А. Романова были в целом различны, хотя в некоторых отношениях схожи. В частности, они обучались и воспитывались как ученые в традициях одной школы, хотя в дальнейшем она испытала и иные влияния.

Е. Н. Кушева⁴ (1889—1990) всегда подчеркивала, что она саратовка, очень любила свой родной город и регулярно туда приезжала, когда стала жить и работать в Москве. Ее отец, врач, после открытия Саратовского университета стал профессором его медицинского факультета. В 1917 г. она поступила на историко-филологический факультет этого университета, где ее учителями стали тоже саратовцы П. Г. Любомиров и С. Н. Чернов, ближайшние друзья Б. А. Романова с университетских времен, возвратившиеся из Петрограда, где они закончили университет, будучи учениками С. Ф. Платонова, оставившего их для подготовки к научной и преподавательской деятельности, и А. Е. Преснякова.

Историко-филологический факультет Саратовского университета в 20-х гг. XX в. был местом, куда по разным причинам приезжали работать крупные и даже выдающиеся ученые Петрограда и Москвы. Е. Н. Кушевой посчастливилось слушать лекции будущих эмигрантов С. Л. Франка, М. Р. Фасмера, Г. П. Федотова. Всеобщую литературу читал В. М. Жирмунский, античную литературу и языки — М. Е. Сергеев и будущая жена академика И. И. Толстого С. В. Меликова, вернувшиеся впоследствии в Ленинград, историю южных и западных славян Г. А. Ильинский. Среди своих учителей Е. Н. Кушева называла также В. И. Веретенникова, А. А. Герасимова и ряд других.

После окончания университета в 1922 г. П. Г. Любомиров, ставший заведующим кафедрой, оставил Е. Н. Кушеву на факультете в качестве научного сотрудника, и она даже помогала ему во время проведения семинарских занятий.

Вскоре Е. Н. Кушева была командирована в Ленинград на полгода, где познакомилась с учителями своих учителей (С. Ф. Платоновым и А. Е. Пресняковым), а также с друзьями и товарищами П. Г. Любомирова и С. Н. Чернова (Б. А. Романовым, С. Н. Валком, А. И. Заозерским и рядом других), посещала их лекции и доклады.

Начавшиеся в 1929 г. в Ленинграде, а затем в Москве и ряде других университетских центрах гонения на представителей дореволюционной генерации историков переросли в 1930 г. в сфабрикованное дело (так называемое Академическое дело), приведшее к многочисленным арестам, тюрьмам, конц-

лагерям и ссылкам. Эта волна докатилась и до Саратова, где П. Г. Любомиров и С. Н. Чернов стали объектами травли, а затем и кратковременных арестов. Потеряв работу, они вынуждены были покинуть Саратов и обосноваться в Москве (П. Г. Любомиров) и Ленинграде (С. Н. Чернов). Е. Н. Кушева тоже в 1929 г. переехала в Москву, где первое время работала в издательстве Общества политкаторжан и ссыльнопереселенцев. Когда же в 1935 г. Общество и издательство были ликвидированы, ее приняли на работу в московскую группу Историко-археографического института АН СССР, головная часть которого находилась еще в Ленинграде. Но поскольку Академия наук в это время была переведена из Ленинграда в Москву, Институт истории, образованный на базе Историко-археографического института и других научных учреждений, стал московским, и Е. Н. Кушева до выхода на пенсию работала в нем на должности старшего научного сотрудника.

Когда Институт истории и его Ленинградское отделение (ЛОИИ) во время войны были эвакуированы в Ташкент, там оказались в одном коллективе и частично в одном общежитии и москвичи и ленинградцы. В это тяжелое время Е. Н. Кушева, по ее признанию, «особенно сблизилась с Б. А. Романовым, С. Н. Валком, Ш. М. Левиным, а также И. И. Смирновым». После войны и возникли переписки между нею и ими.

Область преимущественных интересов Е. Н. Кушевой — история России XVI—XVIII вв., история Северного Кавказа в это время. Она длительное время работала над книгой «Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (конец XVI—30 гг. XVIII в.)». Различные поручения административного характера (заведование аспирантурой, исполнение обязанности ученого секретаря Археографической комиссии, а затем Археографического совета Института истории), задания по подготовке разделов для коллективных трудов «История Москвы», «Очерки истории СССР», «История Кабарды» препятствовали работе над книгой, которая вышла в свет только в 1963 г. Е. Н. Кушева защитила докторскую диссертацию в 1961 г. и вынуждена была уйти на пенсию в 1969 г. Ее личная жизнь не сложилась: Е. Н. Кушева всю жизнь была не замужем.

Б. А. Романов был старше Е. Н. Кушевой на 10 лет (1889—1957)⁵. Его отец — профессор Института гражданских инженеров. В 1906 г. Б. А. Романов поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета и под влиянием ставшего его учителем А. Е. Преснякова специализировался по истории древней и средневековой Руси. Его по праву следует причислить к знаменитой петербургской исторической школе, складывавшейся на протяжении второй половины XIX—начала XX в. Отличительной ее чертой был научный реализм, конкретное, непосредственное отношение к историческим источникам и фактам, отбор, анализ и синтез которых не подчинены заранее установленной схеме, не зависимы от социологических конструкций. Эти особенности не могли не войти в противоречие с навязываемой большевистской партией исторической науке роли служанки текущей политики. В университете Б. А. Романов слушал курсы С. Ф. Платонова,

А. С. Лаппо-Данилевского, А. Е. Преснякова, Э. Д. Гримма и других знаменитых профессоров, участвовал в семинарских занятиях. В 1912 г. он был оставлен С. Ф. Платоновым для подготовки к научной и преподавательской деятельности, но вынужден был приступить к преподаванию в гимназиях, так как не получал стипендию.

Первое время после Октябрьского переворота обстоятельства складывались для Б. А. Романова относительно благополучно. Он был приглашен на работу в организованное в 1918 г. централизованное архивное ведомство — Главархив (Центрархив) и принял активное участие в архивном строительстве, проработав там до 1929 г. К середине 20-х годов он стал одним из авторитетнейших архивных работников в Ленинграде, стремившихся, несмотря на линию по политике, поддерживать в архиве высокий уровень профессионализма и научности. Кроме того, Б. А. Романов приступил к преподаванию в Петроградском университете, работал в Историческом научно-исследовательском институте при Петроградском университете. Но до 1921 г. он не мог определиться с дальнейшей проблематикой своих исследований. Выход в свет первого тома «Воспоминаний» С. Ю. Витте, которые писались им с целью оправдания своей политики, приведшей к русско-японской войне, коренным образом повлиял на дальнейший научный путь Б. А. Романова. Прочитав его, Б. А. Романов убедился в том, что наложенные на «Воспоминания» документальные материалы из фонда Канцелярии министра финансов, описанные и обработанные им, противоречили выстраиваемой Витте концепции. Именно тогда Б. А. Романов принял решение резко сменить область своих научных занятий и приступить к исследованию политических и экономических предпосылок русско-японской войны.

В течение нескольких лет он опубликовал четыре статьи, объединенных общими подзаголовками — «Документальный комментарий к „Воспоминаниям“ гр. С. Ю. Витте» и еще ряд статей. Итогом этой углубленной работы было написание ставшей знаменитой книги «Россия в Маньчжурии (1892—1906): Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма» (Л., 1928). Она имела широкую прессу и была переведена в нескольких странах, в частности в Японии (дважды), Китае, Великобритании.

Эта успешная работа над новаторской для отечественной исторической науки проблематикой была прервана в начале 1930 г., когда Б. А. Романов в числе более ста крупнейших историков был арестован по «Академическому делу». 13-месячное пребывание в следственной тюрьме, а затем по приговору тройки ОГПУ к 5-ти годам заключения в исправительно-трудовых лагерях на строительстве Беломоро-Балтийского канала наложили отпечаток на всю его дальнейшую жизнь. Освобожден Б. А. Романов был в августе 1933 г. «по зачету рабочих дней». Возвратившись в Ленинград, он был лишен не только возможности получить постоянную работу по специальности, но и до 1939 г. публиковать свои исследования. Он перебивался случайными заработками и жил под постоянной угрозой высылки из города. В начале советско-финской войны в ноябре 1939 г. Б. А. Романов и был вы-

слан. К этому времени он стал выполнять заказы академических институтов (Института истории и ИИМКа), и это позволило ему вернуться домой в начале марта 1939 г.

Среди заказов, над которыми он работал, были комментарии к «Правде Русской» для академического ее издания и глава о быте русского общества домонгольской Руси, предназначенная к опубликованию в коллективном труде «История культуры Древней Руси». Однако эта его глава слишком разрослась, почему в нем не могла быть напечатана и впоследствии вышла в качестве книги. Не менее важным делом безработного ученого было написание по заказу Института истории монографии о дальневосточной политике России в конце XIX – начале XX в., которая хотя и не была опубликована до войны, но стала основой докторской диссертации, защищенной в феврале 1941 г. Возможно, именно это событие помогло Б. А. Романову получить в июле 1941 г. постоянную работу по специальности в ИИМКе.

Когда началась война, он остался один, поскольку его жена, врач, была мобилизована, работала в госпиталях Волховского и Ленинградского фронтов и вернулась в Ленинград только в 1946 г., а детей у них не было. Начавшаяся в сентябре 1941 г. блокада Ленинграда и быстро наступивший голод привели к тому, что Б. А. Романов стал голодать и пухнуть. В это время было принято решение спасти «золотой фонд» — докторов наук. В начале ноября 1941 г. его эвакуировали и он с большим трудом добрался до Ташкента.

Там снова возникла угроза высылки из города на 101 км, и ее как-то сумел отвести директор Института академик Б. Д. Греков. Кроме того, Б. А. Романова постигла тяжелая болезнь глаз (поражение глазного нерва), связанная с непривычной для ленинградца жарой и дававшая рецидивы в дальнейшем. Вернулся Б. А. Романов домой одним из первых в 1944 г. и стал работать в Ленинградском отделении Института истории и на историческом факультете Ленинградского университета. В 1947 г. вышли из печати три его крупные работы — две книги⁶ и большая часть историографических комментариев к «Правде Русской»⁷.

В 1949 г. вновь для Б. А. Романова наступили тяжелые времена: он был обвинен в антипатриотизме и национальном нигилизме, якобы проявившихся в книге «Люди и нравы древней Руси», что привело к увольнению из университета. 1953 г. принес еще один удар — упразднение ЛОИИ. Все это расшатывало его здоровье и нервную систему. Несмотря на эти невзгоды и болезни, Б. А. Романов подготовил комментарий к Судебнику 1550 г. и второе, дополненное и исправленное, издание книги «Очерки дипломатической истории русско-японской войны», над которым он работал с предельным напряжением сил. Через полтора года после выхода в свет этой книги он скончался. Ему было 68 лет.

Письма Е. Н. Кушевой к Б. А. Романову хранятся в Научно-исследовательском архиве С.-Петербургского института истории РАН (фонд 298, опись 1, дело 238). Все они являются автографами и датированы автором.

Письма Б. А. Романова к Е. Н. Кушевой хранятся в Архиве Российской Академии наук (фонд 1419). К сожалению, этот большой фонд не обработан, но Архив РАН разрешил их публикацию. Подавляющее число писем Б. А. Романов печатал сам на пишущей машинке через копируку и оставлял у себя их отпуски (Архив С.-Петербургского института истории, фонд 298, опись 1, дело 173). По существу, оба экземпляра можно считать оригиналами. Незначительные различия отмечаются в легендах. В настоящем издании публикуются почти все сохранившиеся письма Е. Н. Кушевой и Б. А. Романова по преимуществу без купюр. Исключения делаются лишь в тех случаях, когда корреспонденты касаются обстоятельств личного характера, относящихся к третьим лицам (как правило, к их родственникам). Надо иметь в виду при этом, что сохранились не все письма. Но из ответов можно понять, о чем шла речь в утраченных письмах. Выпущенные фрагменты отмечаются ломаными (угловыми) скобками.

Е. Н. Кушева и Б. А. Романов, сообщая о тех или иных лицах, писали не полные имена и отчества, иногда и фамилии, а инициалы. Они раскрываются в квадратных скобках при первом упоминании в данной корреспонденции, как и в комментарии к ним. Едва ли не в каждом письме обоих корреспондентов в той или иной связи упоминается жена Б. А. Романова Елена Павловна. Он писал о ней, называя ее, как правило, «Лёлей». Е. Н. Кушева передавала приветы «Е. П.». Эти сокращения не раскрываются и не комментируются. Пункты, где писались или были получены письма, отмечаются в легендах. Сведения об упоминаемых в письмах лицах в комментариях даются на ту дату, когда писались письма.

Письма Б. А. Романова для подготовки издания были представлены в микрокопиях Архивом РАН. Транскрипция и перепечатка на компьютере всех писем осуществлена И. И. Крупской и М. Н. Румынской под редакцией В. М. Панеяха. После первичной корректуры исправления на компьютере внесены Л. Е. Косенко. Составитель издания, автор предисловия, комментариев и указателя В. М. Панеях.

¹ Переписка С. Б. Веселовского с отечественными историками. М., 1998.

² Академик С. Ф. Платонов: Переписка с историками: Том первый: Письма С. Ф. Платонова 1883–1930. М., 2003.

³ Александр Евгеньевич Пресняков. Письма и дневники. 1889–1927. СПб., 2005.

⁴ Биографические сведения об Е. Н. Кушевой почерпнуты из ее посмертно опубликованных воспоминаний (Отечественная история. 1990. № 4. С. 126–151).

⁵ Биографические сведения о Б. А. Романове почерпнуты из книги: Панеях В. М. Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. СПб., 2000.

⁶ Романов Б. А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. 1895–1907. М.; Л., 1947; его же. Люди и нравы древней Руси (Историко-бытовые очерки XI–XIII вв.). Л., 1947.

⁷ Правда Русская. Комментарии / Составители Б. В. Александров, В. Г. Гейман, Г. Е. Кочин, Н. Ф. Лавров и Б. А. Романов; под редакцией Б. Д. Грекова.